

Под куполом цирка без царя в голове

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ, «Известия»

10.11.96.

Валерий Фокин и театральное агентство «Богис» выпустили к «ноябрьским» премьеру о Николае Втором. Случайное или предусмотренное здесь совпадение дат — все равно получилось остроумно. Спектакль, уже традиционно для Фокина, играется в Манеже. Это еще один изящный ход: ведь и само зрелище поставлено в интерьере и жанре циркового шоу. Вместо сценической площадки — арена с бархатным барьером, качели, трапеции, клоуны, воздушные гимнасты...

Чуть позже появляются в новом спектакле Фокина и балет, и камерная музыка, и музыка абсолютно не камерная — Евгений Миронов со своим аккордеоном. Но цирк, цирк, цирк — ему отдано безусловное предпочтение. Над вопросом «почему» публике как раз и предоставлено биться полтора часа.

«Последняя ночь последнего царя» по пьесе Эдварда Радзинского — возможно, самый замысловатый, путанный и трудночитаемый фокинский спектакль. Лично у меня возникли два варианта разгадки. Либо, с точки зрения постановщика, российская история стала сильно смахивать на цирк, а местами — и на площадной балаган, именно с той июльской ночи 1918 года, когда в подвале ипатьевского дома в Екатеринбурге была истреблена августейшая фамилия... Спорно. Сомнительно. Неубедительно. Даже если согласиться со вполне обывательской формулировкой: «Ну чистый цирк!», то и тогда можно предположить, что тряпичный занавес раздвинулся значительно раньше.

Версия вторая, более похожая на правду. Режиссер попытался подняться над историческим сюжетом. Отстраниться и взглянуть на все, добру и злу внимая равнодушно. Тем более что мефистофельская улыбка Фокину более к лицу, чем слеза умиления. В таком случае весь мир — арена, посыпанная опилками. И роковая встреча Николая Романова с Яковом Юровским — это просто классическое противостояние Белого и Рыжего клоунов... Не надо видеть спектакль, чтобы понять, сколь трудно было бы сохранить такую, почти кощунственную объективность. Это благополучно и не удалось.

Николай — Александр Збруев, Александра — Ирина Купченко и их хореографические дети чересчур ангелообразны. Да-да, конечно, это уже не коронованные особы, а подчеркнута простые люди с подчеркнута бытовыми проблемами. Но люди не от мира сего, лю-

ди из идиллии: жили, любили друг друга и умерли в один день. Какой уж тут цирк...

До Рыжего клоуна пока не дотягивает и Михаил Ульянов — Юровский. Роль вытаскивается больше не на внутренней убежденности, а на внешней характерности. Кстати, заметный местечковый акцент Ульянова наверняка еще призовет на его и Фокина головы положенное количество громов и молний... Кому хватает и силы, и страсти, так это Евгению Миронову. Товарищ Маратов, председатель Уральской ЧК, влюбленный в великую княжну Анастасию. Он не убивал, потому что многое понял. Но он трусливо предал, потому что понял не все и не сразу. Рыжий клоун, пожелавший стать Белым, — какой изумительный трагифарс.

Валерий Фокин — режиссер-мазохист. Он любит неподъемные задачи, на проверку крепости собственного хребта. Ставить театральное зрелище про отвлеченную идею невозможно. Про живых людей в данном конкретном случае — еще сложнее. Пик интереса к личности Николая Александровича Романова миновал года три назад. Причем удовлетворен был именно Радзинским. А Радзинский умеет и вызывать, и удовлетворять интерес. Публика, собравшаяся в Манеже, встретила автора приветственными кликами. Гипнотизер от истории добился популярности в ее высшей — стадионной, форме...

Может быть, центр тяжести этого спектакля стоило определенно сместить на Юровского и Маратова. Людей, попытавшихся построить новую историю на крови и заживо повергнувших себя в бездну. Это и к праздничку, миновавшему, но не отмененному, больше бы подошло. И сегодня еще очень даже актуально. Их пожалеть — гадких, гнусных, заблудших — вот была бы поистине царская милость, оказанная публикой. А сострадать слабым, болезненным, беспомощным правителям мы отроду приучены. Себе во вред, конечно же, но иначе не умеем.